

Главному злодею снова три с половиной года [ ] [ ]: Глава 1. Перерождение

Yánchéng Tàishòushēng

Ураганный шквал поднимал гигантские волны, которые с оглушительным грохотом обрушивались на панорамные окна построенной прямо на побережье виллы. Весь мир содрогался.

В роскошной, погруженной в полумрак комнате, больше напоминающей руины после погрома, повсюду валялись разбросанные подарочные коробки и упаковочная бумага. Посреди этого хаоса сидел молодой человек. Он крепко сжимал в руках совершенно новый, даже не распакованный галстук из синей ткани с приглушенным узором. Голова его была низко опущена, а плечи слегка вздрагивали.

К галстуку была прикреплена открытка:

«Дорогому Лу Ао в его 28 лет:

С 28-летием!

28-летний ты, наверное, уже унаследовал корпорацию папы и большого папы и стал гордым и властным гендиректором? [ ]

Желаем тебе счастливой личной жизни, успехов в карьере и, самое главное, — чтобы каждый день был наполнен радостью!

Любящие тебя Папа и Большой Папа».

Непрерывный поток слёз падал на открытку, заставляя чернила расплываться и выцветать.

Лу Ао стиснул зубы и тыльной стороной ладони грубо вытер глаза.

Он вскрыл другую подарочную коробку, разорвав упаковку.

Внутри лежали две роскошные запонки из черного обсидиана. К ним тоже была прикреплена открытка.

«Дорогому Лу Ао в его 30 лет:

С 30-летием! Мужчина, вступивший в зрелый тридцатилетний возраст, просто обязан иметь пару приличных запонок...»

Он разорвал упаковку следующей коробки.

Два грецких ореха для вэньвань¹, буддийские четки из семян бодхи² и ещё одна открытка.

Примечание 1: Вэньвань — китайское хобби, коллекционирование и «вынашивание» в руке парных грецких орехов для полировки и медитации.

Примечание 2: Семена бодхи — высушенные плоды (ещё точнее, соплодия) фикуса священного, известного как Дерево Бодхи. В необработанном виде они светло-коричневые, с заметной текстурой и прожилками. Их часто полируют до гладкости, но узор при этом остаётся видимым.

«Дорогому Лу Ао в его 45 лет:

Ты, наверное, уже в том возрасте, когда должен любить катать в руке орехи и перебирать четки? Папа и Большой Папа специально подготовили для тебя...»

Следующая.

Трость и открытка.

«Дорогому Лу Ао в его 88 лет:

С 88-летием! Это трость, которую Папа и Большой Папа специально для тебя изготовили. Её набалдашник можно открыть — там внутри водяной пистолет! Кто посмеет тебя доставать — заливай его! Тогда ты будешь самым крутым стариком на площади...»

Лу Ао размахнулся, и галстук, запонки, орехи для вэньвань и трость — всё разлетелось в стороны.

Лжецы!

Грандиозные лжецы!

Оба — грандиозные лжецы!

Какой там «любим»?! Какое «празднование дня рождения»?! Какие «подарки на всю жизнь»?!

Всё — ложь!

Он всё узнал! Он всё увидел во сне!

Он, Лу Ао, двадцативосьмилетний молодой президент, стоящий у руля корпорации «Лу», — всего лишь злодей из повести о малышах!

С самого рождения и до сих пор он жил в произведении под названием «Всеобщий любимец: Малыш трёх с половиной лет»!

Хотя его имя звучало невероятно похоже на «Лун Аотянь»³ (идеальный, всемогущий герой), он не был главным героем книги.

Примечание 3: Лун Аотянь — архетипическое имя-шаблон, ставшее нарицательным в китайских сетевых романах. Оно символизирует крайне клишированного сверхмощного главного героя (реже — антагониста), чьи характеристики доведены до абсурда.

Главным героем был его заклятый соперник с детства — Гу Бай!

Поскольку Гу Бай был главным героем, он был лучезарным, живым, талантливым во всём и всеми обожаемым.

Поскольку Лу Ао был злодеем, он был мрачным, замкнутым, заносчивым, невежливым, и его все боялись.

Поскольку Гу Бай был главным героем, его папа был нежным, большой папа — строгим, один мягкий, другой непоколебимый, а семья — счастливой и гармоничной.

Папа же Лу Ао был тщеславным и насквозь фальшивым, его большой папа — холодным и бессердечным. Эти двое вступили в брак по расчёту ради денег: один кутил и гулял, другой с головой ушёл в карьеру, и над семьёй витали чёрные тучи.

Когда Лу Ао было шесть лет, его папа и большой папа погибли в ужасной авиакатастрофе.

...Говорили, что в тот момент они летели куда-то как раз для того, чтобы подставить семью главного героя.

Так Лу Ао стал сиротой.

С тех пор он видел в главном герое-малыше заклятого врага, вредил ему, раз за разом строил козни — и раз за разом терпел поражение.

Ему была уготована роль фона для главного героя, чтобы в финале быть поверженным им и стать ступенькой на пути главного героя к счастливой жизни.

Как раз в этот момент одна из открыток упала перед Лу Ао.

Лу Ао поднял открытку и разорвал её в клочья.

Фальшивка! Всё фальшивка!

Папа и большой папа не любили друг друга и не любили его! Они никого не любили!

Не любя друг друга, они всё равно поженились.

Не любя его, они всё равно родили его.

Привели его в этот фальшивый мир, а затем безжалостно бросили, оставив лишь кучу бесполезных подарков на день рождения, чтобы подкармливать его, как приманкой, и заставляя идти по сюжету.

Он был похож на пса.

Перед тем как выбросить, хозяин повесил ему на шею несколько мослов⁴ — и этого хватило, чтобы водить его за нос!

Примечание 4: Мослы (ед.ч. — мосол) — разговорное название крупных костей животных, особенно трубчатых, с костным мозгом, которые собаки любят разгрызать.

Молния рассекла небо, грянул гром.

Лу Ао взметнул руку, и клочки открытки разлетелись, словно снег.

Сейчас и главному герою, и ему самому было уже двадцать восемь.

Этой безмозглой тупости под названием «повесть о малышах»⁵ пора положить конец!

Примечание 5: Лу Ао имеет в виду характерный для китайской сетевой литературы жанр 囡囡 (zǎizǎi wén), который фокусируется на описании милых детей и (часто) воспитании их взрослыми главными героями. Жанр не предполагает глубоких характеров и развития персонажа, а также невероятных поворотов сюжета, он предназначен для лёгкого, расслабляющего чтения, часто с целью вызвать умиление (иногда чрезмерное). Переводчик

крайне одобряет, иначе что мы здесь делаем.

Лу Ао, стиснув зубы, опёрся о стену. Его тело дрожало, и он поднялся, шатаясь.

Он подошёл к кровати и извлёк из-под бархатной подушки чёрный пистолет; рухнул на колени перед кроватью и механически, как делал это уже сотни раз, стал заряжать патроны в обойму.

Вдруг его телефон, лежавший на тумбочке, от бешеной вибрации съехал к краю и шлёпнулся на пол прямо перед ним.

Потухший взгляд Лу Ао внезапно сфокусировался, устремившись на экран.

Сорок восемь пропущенных вызовов. Сто двадцать три непрочитанных сообщения.

Тот, кто звонил сейчас, был записан в контактах как «Дедушка Чжан, дворецкий».

Лу Ао протянул дрожащую руку и медленно поднял телефон.

Как только соединение установилось, из трубки разом донеслись: вой ветра, дождь, хлеставший по чему-то, грохот грома.

И истеричный крик старого дворецкого:

— Маленький босс Лу?! Маленький босс Лу! Где ты?! Не делай глупостей! Расскажи всё дедушке дворецкому! Я уже почти приехал!

Лу Ао попытался что-то сказать, но почувствовал, что горло сжалось, не давая произнести ни звука.

Не услышав ответа, голос в трубке стал ещё более обеспокоенным.

И в следующее мгновение донесся другой, до боли знакомый голос:

— Лу Ао? Это я! Мы с дедушкой дворецким уже едем к тебе! Что бы ни случилось, не горюй, я с тобой...

— ...Я с тобой сражусь! Наденем перчатки, выйдем на ринг и честно поколотим друг друга! Ты же так любишь бокс?!

— Я никогда не хотел быть твоим врагом! Мы с тобой одинаковые! Мы одной крови! Я буду с тобой...

Это был его заклятый враг. Главный герой этой истории. Гу Бай.

Лу Ао, слушая его пафосную тираду, не сдержал короткой, горькой усмешки.

Да, Гу Бай был прав.

Он никогда не был его врагом. Это он сам, как ненормальный, цеплялся за Гу Бая — в детстве отбирал у него красные цветочки, а повзрослев — перехватывал его бизнес-заказы.

Примечание 6: □□□ — значки отличия/награды в детском саду за хорошее поведение.

Так зачем же Гу Бай примчался сюда, когда он собрался покончить с собой?

Он — главный герой этой книги, избранник небес, баловень судьбы.

У него есть два отца, которые его наставляют, мощная корпорация в его распоряжении, любовь и признание всех вокруг.

У него есть абсолютно всё; нет ничего, чего ему бы не доставало. Неужели он хочет контролировать даже его жизнь и смерть?

В телефонной трубке Гу Бай все еще что-то бормотал без умолку.

Лу Ао, сжимая мобильник, подошел к панорамному окну.

За ним бушевал шторм: свирепый ветер вздымал огромные волны, а вертолет пробирался сквозь низкие, мрачные тучи, яростно болтаясь из стороны в сторону под порывами ветра.

На борту вертолета особенно резко выделялась фигура в оранжевом спасательном жилете.

Повернув голову, Гу Бай тоже заметил его. Он отчаянно замахал рукой, что-то громко крича.

И вот наконец Лу Ао заговорил.

Он поднял телефон к губам, усмехнулся и произнес с ледяной насмешкой:

— Тупорылый. Кретин!7

Примечание 7: 大傻逼 (Dà shǎ bǐ) — грубое, уничижительное оскорбление, дословно «большой тупой хуй/член», но по смыслу ближе к «конченный идиот».

Произнеся эти два слова, он даже не стал смотреть, как отреагировал Гу Бай, просто резко положил трубку и решительно дернул шнур, закрывая шторы.

С тихим шорохом море и берег, небо и земля — всё было в одно мгновение рассечено занавеской на два отдельных мира.

Лу Ао вернулся к кровати и, швырнув со всей силы фоторамку с семейным портретом, стоявшую на тумбочке, разбил её. Фотографию внутри он разорвал в клочья.

Дурацкий сюжет, дурацкие персонажи, дурацкие истории про сопляков! Все вокруг — сплошное дурачество!

Он больше не позволит собой манипулировать!

Ни за что!

Снаружи раздался оглушительный звук.

Гу Бай спрыгнул с вертолётa, и его тело камнем рухнуло в морскую пучину.

Лу Ао упал на ослепительно белые, мягкие простыни. Багровая вязкая кровь медленно вытекала из тёмной дыры у него на виске.

Морские волны, сокрушая пуленепробиваемое стекло, ворвались в спальню. Морская вода подхватила разорванные клочки семейной фотографии, аккуратно сложила их воедино и поднесла к лицу Лу Ао.

На обороте фотографии был знакомый почерк:

«Лу Ао, не знаем, сколько тебе будет лет:

На этот раз Папа и Большой Папа приготовили для тебя всё, что понадобится во взрослой жизни: деньги, недвижимость, связи. Мы надеемся, что ты проживешь эту жизнь в мире и счастье.

Если будет следующий раз, Папа и Большой Папа начнут готовиться раньше, приложат ещё больше сил, чтобы вырваться из-под власти сюжета. И в новом мире, в своём самом настоящем, подлинном облике, мы встретимся с тобой.

Тогда мы станем самой счастливой семьёй на свете.

Пожалуйста, обязательно проживи эту жизнь в мире и счастье, а потом приходи к нам.

Любящие тебя Папа и Большой Папа, чья любовь никогда не исчезнет».

Между накатывающими и отступающими волнами шестерёнки судьбы⁸ провернулись назад, к самой начальной точке, и вновь пришли в движение.

Примечание 8: 轉輪轉運 mǐngyùn de chǐlún — «шестерёнки/колесо судьбы» — распространённая метафора в китайской литературе для обозначения неотвратимого хода событий, здесь подчёркивается цикличность и перезапуск.

Оглушительно пахнувшая металлом кровь, мучительная боль и беспросветная тьма.

Лу Ао бился, беспомощно размахивая руками, и наконец вырвался из темноты.

Он открыл глаза и резко сел на кровати.

Как же больно...

Словно кто-то молотком и гвоздем долбил его в висок, пытаясь пробить череп. Лу Ао схватился за голову. Перед глазами стояла чернота, он ничего не видел.

Инстинкт самосохранения заставил его слезть с кровати и двинуться наружу.

Возможно, боль была слишком сильной, но он чувствовал себя совершенно разбитым. Руки и ноги не только не слушались, но, казалось, ещё и стали короче. Голова стала непомерно тяжелой. Стоило чуть качнуться — и он, как неваляшка, невольно кренился вперед.

Опираясь о стену, он шаг за шагом пробирался наружу. В полубреду ему мерещились странные темные силуэты: плюшевый мишка, радиоуправляемый вертолёт, игрушечный паровозик на проложенных миниатюрных рельсах.

Он что, попал в детский игровой городок?

«Дурацкие игрушки».

Лу Ао фыркнул с презрением и, собрав последние силы, поплёлся дальше.

Он вышел из комнаты, прошёл по коридору и добрался до лестницы.

И тут в его уши неожиданно ворвался чистый, звонкий молодой голос:

— Я уже встал, дедушка Чжан сварил нам пельмешки с креветками, а я ещё сбегал в пекарню, купил сладкие булочки с заварным кремом и солёные шаомай⁹. Нет, полоски¹⁰ не воровал! Полоски разве на завтрак едят? Я что, по-твоему, совсем без царя в голове?

Примечание 9: 烧卖 shāomài — вид китайских пельменей/димсамов с открытым верхом, обычно с мясной (часто свиной) или рисовой начинкой. Часто описываются как «солёные» в противовес сладким булочкам.

Примечание 10: 辣条 (làtiáo) — остро-пряные жевательные чипсы/полоски из глютена пшеницы (сейтана), невероятно популярный (особенно среди детей и молодежи), но нездоровый фастфуд в Китае.

— Ты позавтракал? Ах, да, я забыл про разницу во времени... У тебя сейчас день. Ну так ты поел? Обед, ужин, может, полдник?

— Аоао ещё не встал, пусть поспит подольше. Вчера допоздна с игрушками возился. Потом я сам разогрею ему завтрак, дедушку Чжана беспокоить не надо. Не волнуйся, я кухню не взорву...

Лу Ао вцепился в перила лестницы и нахмурился. Он не мог ни разглядеть говорящего, ни разобрать слов.

Чей это голос?

Откуда он доносился?

Он лишь чувствовал... этот голос...

Будто доносился из самых глубин его памяти. Такой знакомый. До боли знакомый.

Он напрягал изо всех сил свой разум, пытаясь вспомнить, но тщетно.

В следующее мгновение голова его отяжелела, и он полностью потерял контроль над телом, падая вперед.

У него не было сил удержаться. Он лишь закрыл глаза, позволив себе скатиться вниз.

— Аоао!

Ожидаемой боли не последовало.

Тот самый молодой человек, который только что говорил, вскрикнул, бросился вперед и, совершив отчаянный рывок, поймал его, прижав к своей груди. Лу Ао вцепился в одежду незнакомца и вдруг осознал, что его рука...

...стала такой маленькой. Крошечной. Пухленькие ладошки, словно щенячьи лапки.

Его ноги тоже стали очень короткими. Он сам стал таким... низеньким.

И в этот самый миг Лу Ао наконец вспомнил.

— Па... па...

— Аоао, ты заговорил?! Подожди... да ты весь горишь! Аоао?! — голос молодого человека дрожал от тревоги.

Лу Ао не отвечал. Он лишь мертвой хваткой вцепился в одежду мужчины, стиснув свои не до конца прорезавшиеся молочные зубы, и с ненавистью выдавил три слога:

— Цзян... Чжи... Юй...

Да, этот знакомый голос принадлежал его биологическому отцу — Цзян Чжиюю!

<http://bllate.org/book/13911/1225864>Главному злодею снова три с половиной года [ ] [ ]: Глава 2.
Укол

Yánchéng Tàishòushēng

У Лу Ао было два отца.

Один — тщеславный, жаждавший роскоши, кутивший и проматывавший деньги.

Другой — погруженный в построение карьеры, холодный и безразличный.

Они поженились по расчёту, ради денег и объединения семейных кланов. Вечный спектакль. Видимость единства при полном внутреннем разладе. Они не любили друг друга... и не любили его.

Тот, кто сейчас держал его в объятиях — и был этим самым тщеславным.

Лу Ао прекрасно помнил его имя — Цзян Чжиюй.

Пожалуйста, не поймите неправильно. Он не старался специально запомнить их имена.

Просто... он слишком сильно ненавидел.

Ненавидел так, что врезал их имена прямо в сердце.

Но разве Цзян Чжиюй не был уже мёртв?

Что это за место?

Почему Цзян Чжиюй здесь?

И почему он сам превратился в это... это?

Лу Ао, преодолевая слабость, поднял голову и взглянул на Цзян Чжиюя.

Цзян Чжиюй выглядел так же, как и на той семейной фотографии: молодой, лет двадцати с небольшим, красивый и статный. Он стоял на коленях перед лестницей, прижимая Лу Ао к груди, лицо его было искажено тревогой, губы шевелились, но слов разобрать было невозможно.

И вдруг, как озарение молнии, Лу Ао всё понял...

Это, должно быть, ад!

Он застрелился, попал в ад, превратился в ребенка и встретил своего заклятого врага, о

котором так долго грезил!

Цзян Чжиюй! Его враг!

В глазах Лу Ао вспыхнул яростный огонь мести! Стиснув зубы, собрав все свои жалкие силы, он вырвался из объятий Цзян Чжиюя.

Цзян Чжиюй смотрел на него в полном недоумении:

— Что такое?

Лу Ао, покачиваясь, поднялся на ноги. Он опустил голову, сжал кулачки и упёрся ножками в пол. И — бросился вперед!

— Аоао... А-о-о! — закричал он своим детским голосом.

Лу Ао ринулся, как разъяренный телёнок, и прежде чем Цзян Чжиюй успел среагировать, всей силой своего маленького лба врезался ему прямо в грудь, опрокинув на пол, а сам помчался прочь.

Тщеславный папа, К.О1!

Примечание 1: К.О. — игровой термин «нокаут».

Цзян Чжиюй лежал на полу, хватаясь за грудь и заходясь в кашле:

— Лу Аоао! Ты что, отца убить вздумал?! И смеешь убежать?! Кхе-кхе-кхе... Стоять, я сказал!.. Раз! Два! Лу Ао!2

Примечание 2: 爸爸! Lù Ào! — отец в гневе кричит его полное взрослое имя, что для ребенка обычно очень страшно.

Лу Ао на миг замер, но тут же опомнился и продолжил бежать. Папа назвал его полным именем? Большое дело! Другие могут бояться, а он — ни капли! Тщеславного папу он уже уложил! Остался ещё один!

Где же второй? Где этот холодный, бездушный Большой Папа? Сейчас он силён, как никогда! Его маленькое тело просто пульсирует силой!

Лу Ао мчался по дому, озираясь по сторонам, как маленький воин, несущийся сквозь пламя.

Холодный Большой Папа, выходи!

Выходи же! Я знаю, ты здесь!

Сегодня я верну тебе свои кости и срежу мясо... чтобы вернуть отцу!3

Примечание 3: 还我骨肉.....还我 tǐ gǔ huán fù, xiāo ròu huán... yě huán fù! — Отсылка к древней легенде о принце Нэчжа, который, рассорившись с отцом, покончил с собой, вернув ему свою плоть и кости, чтобы разорвать кровные узы. Лу Ао, будучи ребенком двух отцов, адаптирует фразу: «вернуть отцу... и тоже отцу!».

Внезапно накатила новая волна мучительной боли.

Лу Ао схватился за голову и рухнул вперед, оперевшись на одно колено.

Чёрт, как же голова болит...

Надо было стрелять не в висок.

Перед глазами снова поплыла чернота, тело обмякло, и он снова рухнул вниз.

Он снова услышал тот знакомый голос. Снова упал в знакомые объятия. Снова...

...снова был подхвачен Цзян Чжиюем.

— Вот ты паршивец! Тычешься лбом в отца, пытаешься сбежать... Так я сейчас надеру тебе задни... погоди, почему попа тоже такая горячая?! У тебя и правда температура?!

Гад, не смей трогать его задницу!

Цзян Чжиюй побледнел от ужаса. Он прислонил головку Лу Ао к своему плечу и помчался вниз по лестнице, крича на ходу:

— Дедушка Чжан! Дедушка Чжан! У Аоа жар! Везу его в больницу! Помогите!

Снизу навстречу бросился мужчина лет пятидесяти:

— Что случилось? С чего бы вдруг температура?

— Не знаю! Может, вчера допоздна заигрался! Поддай мой телефон и ключи от машины, я пока вынесу его! И его медкарту!⁴

Примечание 4: 医保卡 uǐbǎo kǎ — карта медицинского страхования.

— Ладно!

В аду тоже есть медстраховка?

Лу Ао с трудом приоткрыл глаза и взглянул.

Какой еще «дедушка Чжан»? Да это же его старый дворецкий, старый Чжан!

Когда ему было шесть, он остался сиротой, потеряв обоих отцов, без родни, но с целой империей компании Лу.

И только старый дворецкий Чжан оставался рядом, заботясь о его быте.

Прямо перед его самоубийством дедушка Чжан всё искал его, названивал.

Почему дедушка Чжан здесь? Неужели он, ища его, попал в аварию и тоже очутился в аду? Прости, я не хотел...

Но он был слишком измотан. Слишком, чтобы думать о других.

Слишком... чтобы жить.

Пока Лу Ао размышлял, Цзян Чжиюй уже вынес его вниз.

Одной рукой придерживая сына, другой он распахнул дверь машины, усадил Лу Ао в детское автокресло и защёлкнул ремни. Лу Ао очнулся, откинулся на спинку и молча наблюдал за происходящим.

Неужели Цзян Чжиюй так спешит от него избавиться?

Не может вынести его общества даже минуты?

Что ж, ему тоже не улыбается видеть Цзян Чжиюя.

Хотя...

Взгляд Лу Ао упал на машину Цзян Чжиюя, и он замолчал.

Похоже, в аду Цзян Чжиюю пришлось туго, раз он ездит на Wuling Hongguang Mini EV. Розовая «Отрубленная рыбка голова»⁵, короткая, с тесным салоном.

Примечание 5: Популярный в Китае компактный и очень дешёвый электромобиль. 碰碰车 duòjiāo yútóu — прозвище этой модели из-за формы

Что ж, подумал Лу Ао, он же давно не посылал Цзян Чжиюю ритуальных денег⁶. Знать, что Цзян Чжиюй бедствует — уже отмщение.

Примечание 6: 烧纸 shāozhǐ — китайская традиция сжигания ритуальных «денег» для умерших.

Цзян Чжиюй и не подозревал о кошунственных мыслях в голове сына. В панике усадив Лу Ао, он запрыгнул на водительское место и пристегнулся.

— Аоао, держись! Папа сейчас доставит тебя в больницу! Дедушка Чжан, всё взял? Приготовился?

— Всё, готов!..

Не успел он договорить, как Цзян Чжиюй вдавил педаль газа. Розовый электромобильчик рванул с места, как юркая розовая мышка.

***

Через десять минут маленький электромобиль виртуозно развернулся и замер у входа в ближайшую частную больницу «Цыай»⁷.

Примечание 7: 慈爱 - «Милосердие и Любовь».

Охранник у ворот, увидев это, поспешил вперёд, чтобы остановить машину.

Дверца распахнулась, и Цзян Чжиюй выпрыгнул, сунув охраннику в руку три стоюаневые купюры вместе с ключами от машины.

— Пожалуйста, припаркуйте ее за меня.

— А?.. А?

У Цзян Чжиюя не было времени объяснять. Он развернулся, вытащил из заднего сиденья Лу Ао, горящего в огне жара и пребывающего без сознания, и подхватил его на руки.

Охранник опустил взгляд на брелок с ключами, украшенный фигуркой Снупи, и погрузился в молчание. Он не хвастался, но, работая в частной клинике, он парковал «Мерседесы», «БМВ», изредка даже «Порше».

Но вот «Шестигранный Зеленый Свет Мини»⁸ — такое парковать ему довелось впервые.

Примечание 8: 五菱 mini — ироничная пародия на реальный китайский бренд бюджетных авто Wuling Hongguang (五菱), «пятигранный красный свет». «Шестигранный» (六) вместо «пятигранный» (五) и «Зеленый Свет» (绿) вместо «Красный Свет» (红) добавляют абсурдности крошечной машинке.

Тем временем Цзян Чжюй, неся на руках Лу Ао, широкими шагами взлетел по ступенькам и ворвался в холл больницы.

— Доктор! Медсестра! Есть тут кто?!

«Как шумно... Как трясёт...» — Лу Ао, уже отключившийся, от такой тряски с трудом пришёл в себя.

Он инстинктивно повернул голову, желая уткнуться лицом в грудь несущего его человека, найти тихую гавань. Но в следующее же мгновение он вспомнил со всей ясностью — это же Цзян Чжюй!

И тут же он резко отвернул голову в противоположную сторону. Он не хотел его видеть и уж тем более утыкаться в него лицом.

Ещё через мгновение из желудка поднялась тошнотворная, давящая волна.

Лу Ао стремительно повернул голову обратно, нацелив лицо прямо на Цзян Чжюя.

Цзян Чжюй, казалось, заметил его странные движения, невольно остановился и взглянул вниз.

Он увидел, как Лу Ао вытянулся, весь напряжённый и одеревеневший, но его голова вертелась туда-сюда, словно флюгер на ветру.

Будто два маленьких человечка спорили у него над ушами, яростно дергая его голову в разные стороны.

«Голова раскалывается... Так плохо...»

«От этого человека так тепло, так знакомо пахнет... Так хочется уткнуться лицом в его грудь...»

«Нет! Это же Цзян Чжюй! У меня с ним кровная вражда за отца, мы не уживёмся под одним небом!»

«Он и есть папа, он не может убить сам себя!»

«Дурак, это метафора!»

«Почему вдруг так тошнит... Надо вырвать прямо на Цзян Чжюя!»

«Нельзя, нельзя рвать на папу... на Цзян Чжюя...»

«Да какой же он папа! Фигня какая!»

«Ууу!»

В итоге Лу Ао отвернулся и громко, сухо, сдавленно сглотнул, но так ничего и не вырвал.

Цзян Чжиюй растерянно смотрел на него, но уже в следующее мгновение опомнился, крепче прижал его к себе и помчался дальше.

— Доктор! Доктор! Скорее, кто-нибудь! Мой малыш⁹ так сильно болен!..

Примечание 9: 宝贝 - wǒ de zǎizai, очень нежное, уменьшительно-ласкательное обращение к маленькому ребенку, часто используется родителями.

Он нервничал. Он торопился. Он...

Плакал.

Лу Ао услышал его голос, дрожащий от рыданий, и почувствовал, как его горячие слёзы каплют на собственную щеку.

Он изо всех сил поднял голову, изо всех сил открыл глаза, изо всех сил попытался разглядеть.

Но перед ним была лишь непроглядная тьма. Он ничего не видел.

Единственный звук, который он мог различить — голос Цзян Чжиюя, — вскоре был заглушён другими голосами:

— Что случилось?

— Родитель, успокойтесь сначала! Скорее в смотровой!

— Малыш горит, нужно срочно дать ему...

Дать что? Что они собираются ему дать?

Лу Ао не расслышал.

Следом за этим кто-то аккуратно разжал ему рот и влил ему в рот небольшой флакончик жидкости.

Жидкость, отдававшая странным привкусом, потекла по горлу в пищевод, и казалось, вот-вот его обожжёт.

И тогда он сильно кашлянул и выплюнул всю жидкость обратно.

В конце он услышал озадаченный голос:

— Можно попробовать дать ещё раз. Если не получится... тогда останется только...

Не успел тот человек договорить, как Лу Ао снова отключился.

***

Неизвестно, сколько времени прошло, но Лу Ао очнулся от острой, пронзительной боли.

Он резко открыл глаза и первым, что увидел, были слегка покрасневшие глаза Цзян Чжиюя и его полный тревоги взгляд.

Цзян Чжиюй сидел на стуле, а он, Лу Ао, лежал у него на коленях, крепко прижатый к отцу.

Ха!

Лицемер!

Лу Ао презрительно фыркнул и отвернулся, не желая на него смотреть.

Цзян Чжиюй заметил его движение и поспешно поднял руку, загораживая ему обзор.

Лу Ао почувал неладное, нахмурился и повернул голову в другую сторону.

Рука Цзян Чжиюя последовала за ним, по-прежнему заслоняя вид.

Казалось, он не хотел, чтобы Лу Ао что-то увидел. Цзян Чжиюй тихонько поторопил:

— Сестра, не могли бы вы побыстрее? Кажется, он очнулся...

Не к добру! Тут явно что-то не так!

Пользуясь тем, что Цзян Чжиюй отвлекся, Лу Ао сделал яростный рывок головой и резко обернулся. И увидел: тонкий, отполированный до серебряного блеска кончик иглы торчал у него в ягодице, покачиваясь!

А-а-а-а!

Лу Ао в ужасе расширил глаза.

Укол!

Цзян Чжиюй позволил сделать ему укол! Да ещё и в задницу!

Только сейчас Лу Ао разглядел на стене большой красный крест, а вокруг себя — врачей и медсестёр в белых халатах.

Это был не ад. Это была больница. Больница, где делают уколы в задницу!

Не ад, но хуже ада!

Теперь ему стало ясно, почему он слышал столько суматошных голосов, почему тот человек перед его обмороком говорил что-то не очень понятное.

Вот оно, вот оно!

Лу Ао раскрыл рот в беззвучном крике, вцепился мёртвой хваткой в одежду Цзян Чжиюя и забил своими коротенькими ножками, пытаясь сбежать.

Чёртовы ноги, бегите же!

Но куда он мог убежать?

Раздался звонкий хлопок — Цзян Чжиюй шлёпнул его по попе и крепко прижал.

Движения Цзян Чжюя были быстрыми, но голос оставался мягким:

— Аоао, не бойся, сестра-медсестра тебе помогает, вылечит — и жар пройдёт, и голова болеть перестанет. Не больно, как комарик укусит, и всё будет очень быстро.

Медсестра тоже терпеливо уговаривала его:

— Верно, малыш, не бойся, уже совсем скоро, прямо сейчас закончим — сейчас-сейчас...

«Сейчас-сейчас» из уст медсестры было совсем не настоящим «прямо сейчас»!

Лу Ао стиснул зубы, слёзы наворачивались на глаза, а на его детском личике застыло выражение крайнего возмущения и горечи.

Вот оно, доказательство! Цзян Чжюй — плохой отец, который издевается над сыном!

Такое несмываемое унижение он запомнит на вечные времена!

Здесь и сейчас Лу Ао клянётся: он навсегда-навсегда отказывается признавать Цзян Чжюя своим отцом!

□□ (на китайском)!

Forever (на английском)!

Pour toujours (на французском)!

...&□@%□#& (на марсианском)!

<http://bllate.org/book/13911/1225865>Главному злодею снова три с половиной года [□] □: Глава 3.
Большой папа

Yánchéng Tàishòushēng

«Как больно! Почему так больно?!»

«Сдержи слезы! Я не плакал больше десяти лет!»

«Но я и уколов в задницу не получал больше десяти лет!»

«Чёрт возьми, почему укол в задницу такой болезненный?!»

«Почему в объятиях Цзян Чжюя так хочется плакать?»

«Крутой босс не роняет слёз по пустякам! Не губи мою безупречную репутацию!»

«Это и моя репутация!»

Те самые два человечка снова заспорили у Лу Ао над ухом.

Лу Ао яростно потрянул головой, словно пытаясь их сбросить. Он стиснул зубы. Не заплакал. Не закричал. Лишь невольно вырвался сдавленный стон.

Тысячи мыслей и чувств слились в одно-единственное: «Цзян Чжюй, я тебя ненавижу!»

В тот миг, когда медсестра ввела лекарство и выдернула иглу, боль достигла апогея.

Лу Ао вцепился в воротник Цзян Чжиюя мертвой хваткой, нацелил лоб прямо в его грудь и изо всех своих детских сил рванулся вперед, чтобы нанести сокрушительный удар!

Но на этот раз Цзян Чжиюй был начеку. Он просто поднял руку, поймал голову Лу Ао и заблокировал его «атаку стальным лбом».

Месть не удалась. Лу Ао резко зажмурился, отвернулся — и две горячие слезы покатались по щекам.

Человеку не под силу это изменить.

Он... смирился.

Цзян Чжиюй смотрел на него с недоумением. Одной рукой он держал сына, другой достал пару салфеток и стал вытирать ему лицо:

— Не плачь. Сам болен, а всё норовишь в папу врезаться. Не получилось — и сразу в слёзы. Какой же ты деспот! Твой папа — человек, а не железный робот. В него нельзя просто так лбом тыкать.

Что Цзян Чжиюй понимал? Разве он достоин зваться отцом?

Он человек без сердца — разве не робот?

Лу Ао с глазами, полными слёз, отвернулся, не желая с ним разговаривать.

Цзян Чжиюй с салфетками последовал за ним:

— Что такое? Тебе всё ещё плохо? Голова болит от температуры? Или укол очень болезненный? Папа уже спросил у врача. После укола, минут через пятнадцать-двадцать, жар спадёт. Потерпи ещё чуть-чуть, скоро станет намного легче.

— Если больно от укола, сестра-медсестра как раз прижимает место укола, и папа тоже следит, крови нет. Папа дважды пытался дать тебе жаропонижающее, но ты всё выплевывал. Пришлось в итоге колоть укол, другого выхода не было.

Правда?

Лу Ао поднял голову и уставился на Цзян Чжиюя вопрошающим взглядом.

Но почти сразу же он спохватился, вновь принял серьезное и холодное выражение лица и опустил глаза.

Он не верил.

Цзян Чжиюй был мастером сладких речей и обольщения сердец.

Большинство слов на тех поздравительных открытках были написаны им. Каждому слову, каждой букве, каждому знаку препинания, слетавшему с уст Цзян Чжиюя, он не верил!

Цзян Чжиюй решил, что сыну просто очень плохо. Он погладил его по макушке и прижал к себе, чтобы тот отдохнул у него на груди. Выбросив салфетку, он сказал медсестре:

— Я сам, — взял у неё ватный тампон и продолжил прижимать его к месту укола.

Рука Лу Ао, свисавшая вдоль тела, сжалась в кулак.

Больно! Всё ещё больно! Боль не утихала!

Цзян Чжиюй наверняка тайком давил сильнее!

Он стиснул зубы, уперся лбом в грудь Цзян Чжиюя и снова начал бодать его головой.

Только на этот раз не изо всех сил, а легко. Тук-тук-тук-тук, как дятел.

Цзян Чжиюй положил руку на затылок маленького «дятла» и спросил у врача:

— Через пятнадцать-тридцать минут жар уже спадёт, так ведь?

Врач подтвердил:

— Да, обычно так и бывает, не волнуйтесь.

— А если... в нетипичном случае... жар не спадет? Что тогда?

— Успокойтесь, мы будем постоянно наблюдать за состоянием малыша. Если температура не снизится, примем дополнительные меры. Сейчас, после укола, просто понаблюдаем, не торопитесь.

— Хм...

— Малыш, кажется, снова засыпает. Лучше отнести его в палату, уложить на кровать ровно, ему будет комфортнее.

— Хорошо, — откликнулся Цзян Чжиюй и посмотрел вниз.

Лу Ао всё ещё бодал его в грудь, но движения становились всё слабее, удары всё реже, а сила всё меньше. Незаметно для себя он закрыл глаза. Он так и не смог опрокинуть Цзян Чжиюя, зато умудрился свалить самого себя.

Цзян Чжиюй придержал его головку, остановив движение, затем осторожно убрал ватный тампон. Убедившись, что ранка от иглы на попке Лу Ао не кровоточит, он выбросил тампон и подтянул сыну штанишки.

Лу Ао заболел утром, когда проснулся. Цзян Чжиюй в спешке привез его в больницу, даже не переодев. Поэтому на нём всё ещё была детская пижамка с коровьим принтом.

Медсестра подкатила специальную детскую каталку. Цзян Чжиюй с величайшей осторожностью переложил на неё Лу Ао, стараясь не давить на ту половину попки, куда только что сделали укол.

Вместе они повезли каталку в детское отделение стационара, поднялись на лифте на третий этаж.

Частная больница славилась сервисом, и условия в стационаре были отличными. Палата, похожая на гостиничный люкс. На весь этаж — только они одни.

С помощью медсестры Цзян Чжиюй перенёс Лу Ао на больничную койку, поправил подушку и укрыл лёгким летним одеялом.

Температура Лу Ао немного снизилась — видимо, лекарство начало действовать. Но нужно было продолжать наблюдать, вернётся ли она к нормальной отметке. Несколько врачей отправились в ординаторскую на этом этаже обсудить состояние пациента и выписать лекарства, а дедушка Чжан пошёл с медсестрой оплачивать счёт.

В палате остались лишь одна медсестра и Цзян Чжиюй, присматривающие за Лу Ао.

Медсестра, следуя предписанию врача, принесла тазик с теплой водой, нашла полотенце и намочила его.

Цзян Чжиюй отжал полотенце и стал осторожно протирать им лицо, шею и ладони Лу Ао.

Лу Ао спал беспокойно. Не сказать даже, что спал – скорее, он отключился от дискомфорта.

Он лежал на спине, и белоснежная простыня лишь подчеркивала красноту его маленького личика. Он крепко хмурил брови, стискивал коренные зубы, а руки под одеялом были сжаты в кулаки. Словно волчонок, даже во сне не убравший клыков.

Он был настороже, готовый в любой миг броситься вперед, вцепиться зубами в противника и вырвать кусок мяса.

Цзян Чжиюй протянул руку, отодвинул пряди волос, упавшие ему на лицо, потрогал лоб, а затем нежно погладил щёчку.

Если всё время так напрягаться, сведет судорогой.

Дежурная медсестра тихо заметила:

— Господин Цзян, вот что странно.

— Хм?

— Когда вы протираете малышу лицо и руки полотенцем, он словно вас боится, всё время отстраняется. Но когда вы голой рукой трогаете его лицо, он, наоборот, успокаивается, лежит спокойно, и выражение лица становится мягче.

— Возможно... ему не нравится, когда я касаюсь его через полотенце.

— Тоже верно. Дети часто такие: полотенце кажется грубым, а папина рука – приятной.

Медсестра унесла остывшую воду и принесла свежий тазик.

Цзян Чжиюй сидел на краю кровати, глядя на Лу Ао, и невольно вздохнул.

Как так вышло?

Как он мог так внезапно и сильно заболеть?

Неужели?..

В этот момент в дверь палаты постучали. Вернувшийся после оплаты счёта дедушка Чжан

стоял за дверью и показывал ему поднятый мобильный телефон, давая понять, что ему звонят.

Цзян Чжуй в последний раз поправил одеяло Лу Ао, встал и вышел в коридор.

Лишь когда он подошёл, дедушка Чжан тихо произнес:

— Господин, это звонок от генерального директора Лу.

— Хорошо, — Цзян Чжуй взял телефон и взглянул на экран. Затем он сказал дедушке Чжану:
— Позже мне понадобится, чтобы ты присмотрел за Аоао. Я поеду на машине домой, соберу ему одежду и игрушки - возможно, придётся пожить здесь пару дней. Аоао сейчас в таком состоянии, что почти ничего есть не может. Я заеду в ресторан, возьму жидкой рисовой каши. Тебе что-нибудь принести?

— Господин, я заметил, что в палате есть кухня. Может, лучше я поеду собирать вещи, заодно куплю продуктов и приготовлю еду сам? Так и спокойнее будет.

— Тоже вариант, — кивнул Цзян Чжуй. — Тогда я попрошу тебя так и сделать.

— Конечно. Никаких проблем.

Дедушка Чжан вошёл в палату, а Цзян Чжуй поднес телефон к уху и пошел по коридору подальше от двери:

— Алло, Лу Синьюань...

Едва он произнёс имя, как встревоженный, полный беспокойства голос мужчины ворвался в трубку, заглушаемый шумом ветра на том конце:

— Жена!.. Сыночек!..

<http://bllate.org/book/13911/1225866>Главному злодею снова три с половиной года [ ] [ ]: Глава 4.
Притворяясь спящим

Yánchéng Tàishòushēng

В больничном коридоре Цзян Чжуй разговаривал по телефону со своим любимым.

Его возлюбленного звали Лу Синьюань. Он был молодым человеком у руля корпорации «Лу», а также вторым отцом Лу Ао.

И сейчас он находился в командировке на другом конце света.

Он улетел вчера. Перед расставанием Цзян Чжуй, держа за руку Лу Ао, провожал его в аэропорту.

Лу Синьюань присел перед Лу Ао, погладил его по голове и наказал дома слушаться папу. Хотя в тот момент Лу Ао был занят исключительно своей игрушечной лошадкой, не слушал и в принципе не понимал его слов, Лу Синьюань всё равно повторил это несколько раз.

В конце концов Лу Синьюань поднялся, взял лицо Цзян Чжуй в ладони и оставил на его лбу нежный, исполненный заботы прощальный поцелуй.

Каждая их разлука была словно последняя встреча.

Цзян Чжюй, держа на руках Лу Ао, взял его маленькую ручку в свою и помог помахать большому папе на прощание.

Лу Синъюань же шагал в аэропорт, оглядываясь через каждый шаг, пока фигуры его семьи не скрылись за поворотом.

Сразу после посадки Лу Синъюань достал телефон, позвонил Цзян Чжюю и сообщил, что долетел благополучно. Прибыв в отель, он снял на телефон окружающую обстановку и показал им. Цзян Чжюй играл с Лу Ао в игрушки, а Лу Синъюань участвовал через видеосвязь. Даже когда они засыпали, ему не хватало духа положить трубку.

И вот сегодня утром они всё ещё были на видеосвязи. Через экран они смотрели друг на друга. Цзян Чжюй, завтракая, без умолку болтал. Лу Синъюань, просматривая документы, с улыбкой слушал.

Атмосфера была тёплой, время текло в тихом счастье.

Но в этот самый момент произошло непредвиденное!

Цзян Чжюй поднял голову, словно увидел нечто невероятное.

Он ничего не успел сказать, лишь громко крикнул «Аоао!» и бросился вперёд.

Телефон на журнальном столике был сбит Цзян Чжюем, упал экраном вниз и грохнулся на пол. Камера погрузилась во тьму, Лу Синъюань ничего не видел.

Он мог лишь слышать хаотичную какофонию звуков — сначала громкое «Бам!», словно что-то упало и разбилось. Затем взволнованный голос Цзян Чжюя, спрашивающий, что с Аоао.

Потом торопливые, перепуганные крики Цзян Чжюя, зовущего дядю Чжана.

И наконец — его торопливые удаляющиеся шаги.

Лу Синъюань, находящийся на другом конце света, замер от беспокойства.

Ему хотелось крикнуть Цзян Чжюю, спросить, что же случилось, но он боялся, что не сможет помочь и лишь создаст ещё больше проблем.

В итоге, лишь когда дядя Чжан поднял телефон с пола, Лу Синъюань узнал о случившемся дома.

Только когда Лу Ао доставили в палату и его состояние немного стабилизировалось, Лу Синъюань попросил дядю Чжана передать телефон Цзян Чжюю.

В этот самый момент, на чужбине.

Три чёрных лимузина расчищали путь, средний из них мчался по шоссе, совершая уже восьмой по счёту обгон.

Мужчина в чёрном костюме сидел на заднем сиденье, сжимая телефон. Он был смертельно встревожен, но в голосе сохранял ледяное спокойствие.

— Сяо Юй, я всё знаю. Оставайся с Аоао в больнице. Не волнуйся, я сейчас же возвращаюсь.

Едва он договорил, Цзян Чжюй, словно обладая даром видеть на расстоянии, произнёс:

— Сбавь скорость.

Лу Синъюань на мгновение замолчал, удивленно позвав:

— Сяо Юй?

Тон Цзян Чжюя был серьёзным, он говорил отчётливо, по слогам:

— Я сказал, пусть твой водитель сбавит скорость. Никакого превышения.

— Хорошо, — Лу Синъюань убрал телефон от уха и приказал водителю: — Помедленнее.

Только «помедленнее», без дополнительных объяснений.

Цзян Чжюй добавил уточнение:

— Не нарушай правила дорожного движения.

Лу Синъюань с долей беспомощности ответил:

— Сяо Юй, я за границей.

— Да за границей тоже нельзя, — настаивал Цзян Чжюй. — Сначала передай мои слова водителю дословно, потом продолжим разговор.

В конце концов Лу Синъюань сдался. Он дословно повторил водителю слова Цзян Чжюя.

Скорость снизилась, шум ветра за окном стих, и бешеный, беспорядочный стук сердца Лу Синъюаня тоже начал постепенно успокаиваться. Он поднял стекло и снова поднёс телефон к уху:

— Сяо Юй.

Лишь тогда Цзян Чжюй откликнулся:

— Я здесь.

Лу Синъюань бросил взгляд в окно:

— Я еду в аэропорт. Ориентировочно через двадцать минут буду там. Самолет уже ждёт.

Это был их частный самолет. Маршрут был согласован заранее, а у самого Лу Синъюаня была лицензия пилота – он мог взлететь в любой момент.

Цзян Чжюй сказал:

— С Аоао все в порядке. У него внезапно поднялась температура, я привёз его в больницу. Медсестра сделала укол, жар должен скоро спасть.

Но Лу Синъюань спросил:

— А ты? Сяо Юй, с тобой всё в порядке?

— Я... Я в порядке, температуры нет, не заболел.

— Угу.

Они коротко обменялись информацией о ситуации по обе стороны линии, и вдруг наступила тишина.

Спустя лишь секунду они заговорили одновременно:

— Лу Синьюань, пусть пилот ведет самолёт. Тебе самому за штурвал садиться нельзя.

— Сяо Юй, жди меня с Аоао в больнице. Никуда не уходи. Если что-то понадобится, отправь телохранителей.

Их голоса слились воедино, но слова всё равно были отчётливо слышны.

В следующее мгновение они снова ответили синхронно:

— Я знаю.

— Не беспокойся.

Не нужно было произносить шаблонные пожелания вроде «счастливого пути» или «будь осторожен» - они и так прекрасно понимали друг друга.

В конце Цзян Чжиюй произнёс:

— Аоао заговорил.

Лу Синьюань ответил:

— Я знаю.

Больше не было сказано ни слова.

Через телефонную линию они просто слушали тишину между вдохами друг друга.

Один... два... три...

Так прошло десять ударов сердца в тишине.

Они повесили трубку одновременно.

Цзян Чжиюй убрал телефон в карман, опёрся обеими руками на перила больничного коридора и поднял взгляд, устремив его вдаль.

Детское отделение больницы было обустроено прекрасно: за окнами палат виднелся небольшой садик с изумрудным газоном и пышными деревьями.

Но, несмотря на идиллический пейзаж, Цзян Чжиюй опустил голову, закрыл лицо ладонями и тяжело вздохнул.

На самом деле он только что солгал.

Он сказал Лу Синьюаню, что с ним всё в порядке.

Но это было неправдой.

То, как Аоао внезапно свалился с лестницы, весь пылающий, без сознания... Это его испугало.

То, что Аоао в таком состоянии, с температурой, всё ещё сумел толкнуть его так сильно, что до сих пор ноет в груди... Это его перепугало.

Ему показалось, что их маленькое семейство снова разлучат... Это его чуть не добило.

Цзян Чжиюй уткнулся лицом в ладони и несколько раз подряд прошептал:

— Напугало до смерти...

На десятом разе он поднял голову, прижал тыльную сторону ладони к щеке и собрался вернуться в палату к Аоао.

Лу Синьюань ещё не вернулся. Ему нужно было взять себя в руки.

Только он подошел к двери, как дядя Чжан вышел из палаты.

— Господин, хорошие новости! У маленького господина спала температура.

— Слава богу, - облегчённо выдохнул Цзян Чжиюй. — Я зайду, посмотрю.

Он заметил, что дядя Чжан не уходит, а стоит у двери, и удивился:

— Что-то ещё?

Дядя Чжан принял серьёзный вид:

— Господин Лу только что напомнил мне, чтобы я проследил за вашими травмами.

— За моими травмами? - Цзян Чжиюй удивился ещё больше. — Какими травмами? От толчка Аоао? Но я же ему не говорил...

Его голос сменил интонацию. Он сел на стул в коридоре, закатал штанину и обнажил колено с сине-фиолетовым синяком.

Наверное, он ушибся, когда бросился ловить падающего Аоао.

Лу Синьюаня не было рядом, но он словно обладал небесным оком¹, раз угадал даже это.

Примечание 1: 天眼, tiān yǎn — досл. «глаз небес», здесь: необъяснимая проницательность.

Медсестра принесла мазь. Цзян Чжиюй взял ватную палочку, набрал немного средства и начал аккуратно наносить его на ушибленное место.

***

Десять часов утра.

Цзян Чжиюй отдал ключи от машины дяде Чжану, попросив его съездить домой за вещами и заодно купить продуктов.

Сам же придвинул стул к больничной койке и сел рядом с Лу Ао, наблюдая за ним и осторожно

протирая ему личико и ручки влажной салфеткой.

Жар спал, щёчки малыша порозовели, а сон стал глубже и спокойнее.

Цзян Чжиюй опустил полотенце в тазик и невольно вскрикнул от приступа тупой боли в груди.

Ранее, когда ему приносили мазь для колена, он специально отослал медсестру и заглянул под рубашку.

Боже правый! У него на груди - вот та-а-акого размера! - синяк, точь-в-точь повторяющий форму головы Аоао!

Цзян Чжиюй схватился за грудь, не в силах смириться с такой несправедливостью, и потянулся ущипнуть Аоао за щёчку.

Пухлая детская щека эластично дрогнула под пальцами. Маленький железный лоб! Маленький бешеный бычок! Живая пушечка! Я же твой родной папа! Ты хоть немного похож на сына?! А?!

Щиплю без жалости!

Именно в этот момент в палату вошла знакомая медсестра с картой наблюдений.

Цзян Чжиюй мгновенно отдернул руку, сложил руки на коленях и замер в образцово-показательной позе ангела.

Медсестра заметила его движение и сдержанно улыбнулась, но всё же мягко напомнила:

— Хотя у малыша уже нет температуры, ему всё ещё нужен отдых. Дайте ему поспать подольше.

— Конечно, конечно, — пробормотал Цзян Чжиюй, не имея возможности излить душу, и мысленно пообещал себе дощипать щёчки Аоао, когда тот проснётся.

Папина месть десятилетия не ждёт!²

Примечание 2: 十年不晚 - shí nián bù wǎn, отсылка к поговорке «十年不晚» — «Благородный муж мстит даже через десять лет», здесь иронично обыграно.

Медсестра оглянулась, прикрыла дверь и тихо спросила:

— Господин Цзян, могу я задать вам нескромный вопрос?

— Да, конечно, - кивнул он. - Спрашивайте.

— Вы... — она замялась, — почему вы привезли ребёнка именно в нашу больницу?

Цзян Чжиюй ответил честно:

— Была экстренная ситуация, а ваша больница ближе всего к нашему дому. Что-то не так?

— Нет-нет, просто... — она понизила голос ещё больше, — у нас частная клиника. Цены на всё могут быть... значительно выше, чем в государственных больницах.

Полагая, что намекнула недостаточно ясно, медсестра добавила:

— Я видела, вы приехали на маленьком электромобильчике. Подумала, что, возможно, в вашей семье туго с финансами, а вы просто не знали о наших расценках... Вот и хотела предупредить. Я посмотрела диагноз малыша — обычный грипп. Раз состояние стабильное, может, переведёте его в государственную больницу? Там будет намного дешевле.

Цзян Чжуй сам не подумал бы об этом.

Эта медсестра — настоящий Белый Ангел!З

Примечание З: 白天使 - bái yī tiānshǐ, поэтичное и уважительное прозвище медсестёр/врачей в Китае, букв. «ангел в белом».

Он замахал руками:

— Всё в порядке! У нас есть кое-какие сбережения, на лечение ребёнка хватит. Да и у вас здесь прекрасные условия, отличный уход. Не будем его тревожить переездом. Но спасибо вам огромное!

— Хорошо, решайте сами, господин Цзян. Только... пожалуйста, никому не передавайте мои слова.

— Будьте спокойны, ваш секрет умрёт со мной.

«Белый Ангел» измерила Аоао температуру, внесла данные в карту и вышла.

Цзян Чжуй повернулся обратно к спящему Аоао и снова протянул к нему руку. Но на этот раз он не стал щипать щёку. Он лишь нежно провёл кончиками пальцев по нахмуренному лобку малыша. Что это он хмурится во сне? Словно взрослый, обременённый заботами.

Но стоило пальцам коснуться кожи, как Аоао весь вздрогнул, а бровки сдвинулись ещё сильнее.

Странно...

Раньше он вроде бы так не реагировал?

Озадаченный Цзян Чжуй продолжил разглаживать морщинку.

Под мягким белым одеялом Лу Ао лежал плашмя, тело напряжено, а крошечные кулачки были сжаты изо всех сил.

Верно. Он уже проснулся!

Как образцовый Босс, он всегда начеку перед лицом потенциальной опасности.

Он проснулся ещё в тот момент, когда Цзян Чжуй потянулся его щипать. Но открывать глаза и встречаться взглядом с обидчиком он не хотел. Поэтому он стиснул зубы, изо всех сил изображая сон и стараясь сохранить подобающую Боссу величественную позу.

Если бы не форс-мажор, он продержался бы до самого ухода Цзян Чжуйя.

Но через двадцать минут...

Форс-мажор: А вот и я!

Охватившее его чувство было одновременно знакомым... и донельзя неуместным.

Лу Ао вдруг... дико захотел писать!

<http://bllate.org/book/13911/1225867>Главному злодею снова три с половиной года [ ] [ ]: Глава 5.
Рисовая каша для малыша

Yánchéng Tàishòushēng

Ох как хочется пи-пи! Ох как хочется пи-пи!..

Не-ет, крутому боссу полагается быть изящнее.

Тогда так... Ох как хочется в уборную! Ох как хочется в уборную!

На больничной койке Лу Ао изо всех сил стискивал коренные зубы, изо всех сил сжимал кулачки, изо всех сил вытягивался в струнку.

Как вобла, высушенная впрок.

Почему Цзян Чжиюй всё ещё не ушёл?

Разве он не обожает кутить на стороне? Или Лу Синьюань даёт ему недостаточно денег? Цзян Чжиюй, я... я сейчас сосчитаю до трёх, и ты немедленно возьмёшь деньги Лу Синьюаня и отправишься развлекаться!

Три!

Два!

Один!

Лу Ао мысленно досчитал до трёх и стремительно повернул голову, приоткрыв глаз на узенькую щёлочку, чтобы взглянуть на Цзян Чжиюя.

Тот сидел, спокойно сложив руки, у кровати, и не собирался даже шевельнуть пятой точкой.

Всё ещё не ушёл?! Всё ещё здесь!

Совсем не любит его, а почему-то тут торчит!

Лу Ао, потеряв крутой боссовский шик, завёлся во время внутреннего монолога.

Вдруг до его уха донесся скрежет ножек стула по полу.

Лу Ао насторожился и повернулся посмотреть.

Цзян Чжиюй потягивался, вставая:

— Дедушка Чжан, вы вернулись? Что купили? Есть острые полоски? Я что-то проголодался.

Задавая вопросы, он направился к двери палаты.

Из кухни донесся усталый голос дедушки Чжана:

— Господин, острые полоски — это не еда, да и на пустой желудок вредно. К тому же маленький хозяин болен, вам лучше тоже не есть такое.

— Ничего, я съем, когда он не видит.

С тихим щелчком дверь палаты закрылась.

Лу Ао совершил стремительный тигриный переворот¹ и соскочил с больничной койки.

Примечание 1: 腾翻身 - měng hǔ fān shēn, образное выражение для быстрого и ловкого движения.

Он ухватился обеими ручонками за поручни кровати, стиснул зубы, перевалился через край — и уверенно приземлился на пол.

Перед кроватью лежала распакованная пара одноразовых тапочек, но Лу Ао было не до них. Босиком он помчался в санузел.

Его палата была специальным детским люксом, с двумя комнатами для сопровождающих, отдельным санузлом, кухней и большой лоджией.

Почти все предметы в комнате были двух видов: обычного размера — для взрослых сопровождающих, и детские — поменьше, с упрощенной конструкцией — для маленьких пациентов.

Лу Ао широко шагнул к обычному, взрослому унитазу, стянул штанишки и запрыгнул на него.

Даже если его ножки не доставали до пола и болтались в воздухе, он не видел в этом ничего странного. Он же взрослый двадцативосьмилетний мужчина, конечно, он будет пользоваться взрослым унитазом!

Удовлетворив физиологическую потребность, Лу Ао наконец расслабил нахмуренные брови.

Стоп, ещё кое-что!

Он снова сморщил личико и оглянулся на свою попу.

Совсем недавно Цзян Чжуй велел сделать ему укол именно туда, и место укола до сих пор ныло! Но как он ни вертелся, как ни вглядывался — след от иглы найти не удавалось.

Что странно: во время укола, когда Цзян Чжуй держал его на руках, боль почему-то казалась невыносимой.

Будто в нём был некий «болевогой переключатель», и Цзян Чжуй, нажав на него, усиливал ощущение боли в сто раз.

Или будто в нём был «клапан для слёз», и Цзян Чжуй, открыв его, выпускал наружу все его слёзы. Тогда ему даже казалось, что укол в объятиях Цзян Чжуйа больнее, чем пуля в висок.

Сейчас же, без Цзян Чжуйа, боль была вполне терпимой.

Ладно, пустяковая рана, не стоит внимания.

Лу Ао спрыгнул с унитаза, подтянул штаны, нажал на смыв и по привычке подошел к взрослой раковине.

Он поднял голову — и в следующее же мгновение замер, остолбенев.

Он был ниже раковины!

Он не видел кран над раковиной!

Зеркало, вмонтированное в стену перед раковиной, не отражало даже его макушку!

Лу Ао в ужасе распахнул глаза.

Как такое возможно?!

Лу Ао огляделся, и вдруг в зеркале детской раковины возникло нечто странное.

Что это? Корова? Откуда в ванной комнате такое взялось?

Лу Ао вздрогнул от неожиданности, инстинктивно отшатнулся на полшага и принял оборонительную позу. Но существо в зеркале повторило его движение, тоже отступив на полшага.

Лу Ао почувствовал неладное. Осторожно он поднял руку.

Существо тоже подняло руку.

Теперь Лу Ао был уверен.

Этим странным маленьким существом был он сам!

После того, как Цзян Чжияй привёз его в больницу, где ему сделали укол и он пролежал так долго в постели, Лу Ао уже всё понял.

Он не умер. Он не попал в ад.

Он переродился. Переродился в своем детстве.

Но он никак не ожидал, что в детстве он выглядел таким идиотом!

Но он никак не ожидал, что в детстве он выглядел таким идиотом!

В зеркале он был точь-в-точь трёхлетним ребёнком.

В зеркале он был точь-в-точь трёхлетним ребёнком.

Его гордые сто восемьдесят восемь сантиметров роста превратились в приземистое тельце «маленького арбузика»².

Его гордые сто восемьдесят восемь сантиметров роста превратились в приземистое тельце «маленького арбузика»².

Примечание 2: 小胖 — xiǎo dòngguā, ласковое/уничижительное прозвище для пухленького малыша.

Примечание 2: 小胖 — xiǎo dòngguā, ласковое/уничижительное прозвище для пухленького малыша.

Его сильные, мускулистые руки стали кругленькими сосисками, а его стройные длинные ноги превратились в коротенькие сардельки. Его угрюмое, но мужественное лицо стало круглой пухлой щекастой мордашкой.

Его сильные, мускулистые руки стали кругленькими сосисками, а его стройные длинные ноги превратились в коротенькие сардельки. Его угрюмое, но мужественное лицо стало круглой пухлой щекастой мордашкой.

А причиной, по которой он принял себя за «маленькую коровку», был надетый на него облегающий комбинезон³ с узором под корову!

А причиной, по которой он принял себя за «маленькую коровку», был надетый на него облегающий комбинезон³ с узором под корову!

Примечание 3: 秋衣 (qiūyī) — дословно «осенняя одежда». Это специфический термин для облегающего, тонкого термобелья или нижнего белья (часто с длинными рукавами и штанинами), которое носят под одеждой в прохладную погоду. Переведено как «комбинезон» для понятности.

Примечание 3: 秋衣 (qiūyī) — дословно «осенняя одежда». Это специфический термин для облегающего, тонкого термобелья или нижнего белья (часто с длинными рукавами и штанинами), которое носят под одеждой в прохладную погоду. Переведено как «комбинезон» для понятности.

Он ни за что добровольно не надел бы эту одежду! Так что...

Он ни за что добровольно не надел бы эту одежду! Так что...

ЦЗЯН! ЧЖИ! ЮЙ!

ЦЗЯН! ЧЖИ! ЮЙ!

Твой вкус просто отвратителен!

Твой вкус просто отвратителен!

Лу Ао стиснул зубы, сжал кулачок и изо всех сил ударил им своё отражение в зеркале!

Лу Ао стиснул зубы, сжал кулачок и изо всех сил ударил им своё отражение в зеркале!

С громким звуком один кулак снаружи, другой — внутри зеркала — встретились.

С громким звуком один кулак снаружи, другой — внутри зеркала — встретились.

Лу Ао поднял голову и уставился на своё отражение в зеркале.

Лу Ао поднял голову и уставился на своё отражение в зеркале.

Отражение Лу Ао тоже подняло голову и уставилось на него в реальности.

Отражение Лу Ао тоже подняло голову и уставилось на него в реальности.

В гробовой тишине, сквозь стекло, их взгляды встретились.

В гробовой тишине, сквозь стекло, их взгляды встретились.

Пробиваясь сквозь миниатюрное тельце и детское личико, Лу Ао увидел в собственных глазах знакомую твердость и решительность.

Пробиваясь сквозь миниатюрное тельце и детское личико, Лу Ао увидел в собственных глазах знакомую твердость и решительность.

В прошлой жизни он был высоким, статным, невероятно красивым, решал вопросы молниеносно и без колебаний.

В прошлой жизни он был высоким, статным, невероятно красивым, решал вопросы молниеносно и без колебаний.

В восемнадцать он окончил университет, в двадцать полностью взял бразды правления корпорацией «Лу», а в двадцать три уже красовался на обложке международного финансового журнала.

В восемнадцать он окончил университет, в двадцать полностью взял бразды правления корпорацией «Лу», а в двадцать три уже красовался на обложке международного финансового журнала.

Пусть позже из-за психологических проблем он выбрал уединение в вилле на острове, но в высшем обществе по-прежнему ходили легенды о нём.

Пусть позже из-за психологических проблем он выбрал уединение в вилле на острове, но в высшем обществе по-прежнему ходили легенды о нём.

Его называли Христианом Монте-Кристо с необитаемого острова, вампиром из древнего замка.

Его называли Христианом Монте-Кристо с необитаемого острова, вампиром из древнего замка.

Так что...

Так что...

Даже если его тело и внешность превратились в трехлетние, его знания, внутренний мир и характер остались прежними!

Даже если его тело и внешность превратились в трехлетние, его знания, внутренний мир и характер остались прежними!

Он всё ещё мог, опираясь на память о своих двадцати восьми годах прошлой жизни, бросить вызов судьбе и изменить предначертанное!

Он всё ещё мог, опираясь на память о своих двадцати восьми годах прошлой жизни, бросить вызов судьбе и изменить предначертанное!

По сюжету он был жалким, прячущимся во тьме злодеем? Ну уж нет! Он не верил в это! Он обязательно станет подлинным, блистающим Лун Аотянем!

По сюжету он был жалким, прячущимся во тьме злодеем? Ну уж нет! Он не верил в это! Он обязательно станет подлинным, блистающим Лун Аотянем!

Лу Ао медленно разжал кулачок, приняв решение.

Лу Ао медленно разжал кулачок, приняв решение.

В этот раз он разработает для себя самый научный, самый системный план роста, чтобы стать самым выдающимся, самым совершенным человеком!

В этот раз он разработает для себя самый научный, самый системный план роста, чтобы стать самым выдающимся, самым совершенным человеком!

В этот раз он приложит все усилия, чтобы вырваться из фальшивой семьи, где царит лицемерие, сбежать от своего тщеславного Папы и холодного Большого Папы!

В этот раз он приложит все усилия, чтобы вырваться из фальшивой семьи, где царит лицемерие, сбежать от своего тщеславного Папы и холодного Большого Папы!

В этот раз он обязательно проживет жизнь лучше, чем в прошлый раз...

В этот раз он обязательно проживет жизнь лучше, чем в прошлый раз...

— Аоао?

— Аоао?

Клятва ещё не успела слететь с его губ, как из-за двери донесся зов.

Клятва ещё не успела слететь с его губ, как из-за двери донесся зов.

Лу Ао невольно нахмурил свое маленькое личико и оглянулся.

Лу Ао невольно нахмурил свое маленькое личико и оглянулся.

Это был голос Цзян Чжиюя, но...

Это был голос Цзян Чжиюя, но...

Почему Цзян Чжиюй всегда так говорит?

Почему Цзян Чжиюй всегда так говорит?

То «Аоао», то «Уву», а то и вовсе «Хнык-хнык», прямо как поросёнок.

То «Аоао», то «Уву», а то и вовсе «Хнык-хнык», прямо как поросёнок.

Совсем не по-взрослому! Совсем не солидно!

Совсем не по-взрослому! Совсем не солидно!

И тут из-за двери снова донесся знакомый голос:

И тут из-за двери снова донесся знакомый голос:

— Аоао? Мой малыш? Куда ты убежал? Только что же лежал в кроватке?.. Как так получилось, что в одно мгновение исчез?

— Аоао? Мой малыш? Куда ты убежал? Только что же лежал в кроватке?.. Как так получилось, что в одно мгновение исчез?

С чем неизбежно приходится сталкиваться, того не избежать.

С чем неизбежно приходится сталкиваться, того не избежать.

Лу Ао беспомощно вздохнул, поправил перед зеркалом свой внешний вид, затем решительно дернул дверцу ванной и вышел наружу.

Лу Ао беспомощно вздохнул, поправил перед зеркалом свой внешний вид, затем решительно дернул дверцу ванной и вышел наружу.

Цзян Чжиюй сидел на корточках у кровати, заглядывал под простыню, засовывая голову под кровать:

Цзян Чжиюй сидел на корточках у кровати, заглядывал под простыню, засовывая голову под кровать:

— Малыш?

— Малыш?

Не найдя малыша, Цзян Чжиюй крикнул под тумбочку:

Не найдя малыша, Цзян Чжиюй крикнул под тумбочку:

— Может, тут?

— Может, тут?

Опять не найдя, Цзян Чжиюй поднял одноразовые тапочки с пола:

Опять не найдя, Цзян Чжиюй поднял одноразовые тапочки с пола:

— Неужели прилип к подошве?

— Неужели прилип к подошве?

Лу Ао снова беспомощно вздохнул, выпрямил спину, поднял голову и гордо зашагал к нему.

Лу Ао снова беспомощно вздохнул, выпрямил спину, поднял голову и гордо зашагал к нему.

Хватит искать. Он вот он. Он же не муравей, чтобы прилипнуть к подошве! Цзян Чжиюй выглядел таким... бестолковым.

Хватит искать. Он вот он. Он же не муравей, чтобы прилипнуть к подошве! Цзян Чжиюй выглядел таким... бестолковым.

— Ооо... вот же ты где, мой малыш!.. — Цзян Чжиюй сделал вид, что только что заметил Лу Ао, нарочито растягивая слова.

— Ооо... вот же ты где, мой малыш!.. — Цзян Чжиюй сделал вид, что только что заметил Лу Ао, нарочито растягивая слова.

Лу Ао невольно поднял подбородок еще выше.

Лу Ао невольно поднял подбородок еще выше.

Цзян Чжюй заулыбался, глаза превратились в щелочки, и он нарочно спросил:

Цзян Чжюй заулыбался, глаза превратились в щелочки, и он нарочно спросил:

— Ну что, твои маленькие личные делишки в туалете решены?4

— Ну что, твои маленькие личные делишки в туалете решены?4

Примечание 4: Фраза Цзян Чжюя «□□□□□□□□□□□□□□□□?» (Nǐ de sīrén xiǎo mìmì, zài cèsuǒ lǐ jiējūé la?) — это очень деликатный, завуалированный и слегка игривый (в контексте общения с малышом) способ спросить, сходил ли ребенок в туалет (по-маленькому или по-большому).

Примечание 4: Фраза Цзян Чжюя «□□□□□□□□□□□□□□□□?» (Nǐ de sīrén xiǎo mìmì, zài cèsuǒ lǐ jiējūé la?) — это очень деликатный, завуалированный и слегка игривый (в контексте общения с малышом) способ спросить, сходил ли ребенок в туалет (по-маленькому или по-большому).

Лу Ао округлил глаза: «Какие ещё?..»

Лу Ао округлил глаза: «Какие ещё?..»

Какие личные делишки?!

Какие личные делишки?!

Откуда Цзян Чжюй это знал?

Откуда Цзян Чжюй это знал?

Неужели он заметил, что Лу Ао уже проснулся, и специально оставил его одного в палате?

Неужели он заметил, что Лу Ао уже проснулся, и специально оставил его одного в палате?

Не может быть! Его актерское мастерство столь безупречно, а Цзян Чжюй — такой растяпа, что тот просто не мог это разглядеть.

Не может быть! Его актерское мастерство столь безупречно, а Цзян Чжюй — такой растяпа, что тот просто не мог это разглядеть.

Так что же тогда...

Так что же тогда...

Пока Лу Ао напряженно размышлял, Цзян Чжюй протянул руки и поднял его в воздух:

Пока Лу Ао напряженно размышлял, Цзян Чжюй протянул руки и поднял его в воздух:

— Значит, сейчас ты свободен? Пусть доктор зайдет и тебя осмотрит.

— Значит, сейчас ты свободен? Пусть доктор зайдет и тебя осмотрит.

Лу Ао не успел среагировать и оказался буквально подвешен в воздухе:

Лу Ао не успел среагировать и оказался буквально подвешен в воздухе:

— Руки прочь!

— Руки прочь!

Он не ребёнок, чтобы его так таскали!

Он не ребёнок, чтобы его так таскали!

Цзян Чжиюй усадил его на больничную койку и крикнул в дверь:

Цзян Чжиюй усадил его на больничную койку и крикнул в дверь:

— Можно заходить!

— Можно заходить!

Дверь палаты распахнулась, и вошли несколько врачей и медсестёр.

Дверь палаты распахнулась, и вошли несколько врачей и медсестёр.

Первой подошла медсестра и хлопнула в ладоши, чтобы привлечь внимание Лу Ао:

Первой подошла медсестра и хлопнула в ладоши, чтобы привлечь внимание Лу Ао:

— Малыш, проснулся? Дядя и тётя сейчас тебя осмотрят. Как ты себя чувствуешь? Головка не кружится?

— Малыш, проснулся? Дядя и тётя сейчас тебя осмотрят. Как ты себя чувствуешь? Головка не кружится?

Лу Ао сидел на кровати по-турецки, лицо его было бесстрастным.

Лу Ао сидел на кровати по-турецки, лицо его было бесстрастным.

Он не ребёнок. Не надо с ним так сюсюкать.

Он не ребёнок. Не надо с ним так сюсюкать.

Но из вежливости он ответил кратко:

Но из вежливости он ответил кратко:

— Нет.

— Нет.

— А тело не горячее? Не жарко?

— А тело не горячее? Не жарко?

— Нет.

— Нет.

— Тогда тетя померит тебе температуру, ладно?

— Тогда тетя померит тебе температуру, ладно?

— Ладно, — Лу Ао поднял голову и покорно позволил направить на лоб бесконтактный термометр.

— Ладно, — Лу Ао поднял голову и покорно позволил направить на лоб бесконтактный термометр.

— Ого, малыш, какой ты умничка! Уже знаешь, как температуру меряют! Держи пятерку! — медсестра показала большой палец вверх.

— Ого, малыш, какой ты умничка! Уже знаешь, как температуру меряют! Держи пятерку! — медсестра показала большой палец вверх.

Лу Ао слегка кашлянул и поднял подбородок ещё выше.

Лу Ао слегка кашлянул и поднял подбородок ещё выше.

— А сейчас доктор послушает твоё сердечко, хорошо?

— А сейчас доктор послушает твоё сердечко, хорошо?

Лу Ао снова гордо вскинул голову, принимая вид важной персоны.

Лу Ао снова гордо вскинул голову, принимая вид важной персоны.

— Ух ты! Малыш утром, когда укольчик делали, даже плача не смог сдержать, а сейчас и температуру меряют, и сердечко слушают - и ни капельки не боится! Прямо за секунду повзрослел!

— Ух ты! Малыш утром, когда укольчик делали, даже плача не смог сдержать, а сейчас и температуру меряют, и сердечко слушают - и ни капельки не боится! Прямо за секунду повзрослел!

При упоминании укола Лу Ао сглотнул, и его высоко поднятая голова наконец опустилась.

При упоминании укола Лу Ао сглотнул, и его высоко поднятая голова наконец опустилась.

Утром... были особые обстоятельства. Он уже объяснял.

Утром... были особые обстоятельства. Он уже объяснял.

В общем... виноват во всём Цзян Чжуйю!

В общем... виноват во всём Цзян Чжуйю!

Боковым зрением Лу Ао заметил, что Цзян Чжуйю, стоявший у кровати, прикрывал рот рукой, сдерживая смех. Это его ещё больше разозлило.

Боковым зрением Лу Ао заметил, что Цзян Чжуйю, стоявший у кровати, прикрывал рот рукой, сдерживая смех. Это его ещё больше разозлило.

Цзян Чжюй! Ты еще смеёшься? Что тут смешного?!

Цзян Чжюй! Ты еще смеёшься? Что тут смешного?!

Мы с тобой... пока что официально состоим в отцовско-сыновних отношениях. Когда они смеются надо мной, они смеются и над тобой!

Мы с тобой... пока что официально состоим в отцовско-сыновних отношениях. Когда они смеются надо мной, они смеются и над тобой!

Хоть бы попытался поддержать мой имидж, а ты... ты просто ржёшь! Настоящий придурок!

Хоть бы попытался поддержать мой имидж, а ты... ты просто ржёшь! Настоящий придурок!

Лу Ао метнул в его сторону острый, как нож, взгляд.

Лу Ао метнул в его сторону острый, как нож, взгляд.

В прошлой жизни его ассистенты, подчиненные или сотрудники, увидев такое выражение лица, тут же понимали, что у него скверное настроение.

В прошлой жизни его ассистенты, подчиненные или сотрудники, увидев такое выражение лица, тут же понимали, что у него скверное настроение.

Но Цзян Чжюй абсолютно не уловил его недовольства. Наоборот, он прикрыл лицо другой рукой, отвернулся и продолжил тихонько хихикать.

Но Цзян Чжюй абсолютно не уловил его недовольства. Наоборот, он прикрыл лицо другой рукой, отвернулся и продолжил тихонько хихикать.

Лу Ао, надувшись от негодования, повернулся обратно и продолжил осмотр.

Лу Ао, надувшись от негодования, повернулся обратно и продолжил осмотр.

Доктор доброжелательно предупредил:

Доктор доброжелательно предупредил:

— Малыш, не задерживай дыхание, ладно?

— Малыш, не задерживай дыхание, ладно?

Лу Ао недовольно поджал губы и выдохнул весь воздух из лёгких.

Лу Ао недовольно поджал губы и выдохнул весь воздух из лёгких.

Через двадцать минут осмотр закончился.

Через двадцать минут осмотр закончился.

Врач снял стетоскоп и вынес вердикт:

Врач снял стетоскоп и вынес вердикт:

— С малышом сейчас всё в порядке, главное - принимать лекарства по расписанию. Но лучше

остаться в больнице на пару дней для наблюдения, чтобы убедиться, что температура не вернётся. В ближайшее время нужна лёгкая диета: больше воды, меньше перекусов, больше отдыха и сна. Смотреть мультики или играть на планшете – не больше получаса в день. Под окнами больничного корпуса есть садик, ближе к вечеру можно там погулять, но без активных игр и бегов. Если что-то случится – сразу звоните нас.

— С малышом сейчас всё в порядке, главное – принимать лекарства по расписанию. Но лучше остаться в больнице на пару дней для наблюдения, чтобы убедиться, что температура не вернётся. В ближайшее время нужна лёгкая диета: больше воды, меньше перекусов, больше отдыха и сна. Смотреть мультики или играть на планшете – не больше получаса в день. Под окнами больничного корпуса есть садик, ближе к вечеру можно там погулять, но без активных игр и бегов. Если что-то случится – сразу звоните нас.

— Хорошо...

— Хорошо...

Отец и сын ответили одновременно.

Отец и сын ответили одновременно.

Цзян Чжуйю с улыбкой посмотрел на Лу Ао. Тот не пожелал встречаться с ним взглядом, отвернулся и лишь вежливо кивнул врачам и медсестрам:

Цзян Чжуйю с улыбкой посмотрел на Лу Ао. Тот не пожелал встречаться с ним взглядом, отвернулся и лишь вежливо кивнул врачам и медсестрам:

— Спасибо за ваш труд.

— Спасибо за ваш труд.

Такие учтивые слова и серьёзное выражение лица на трехлетнем малыше смотрелись... немного странно. Но персонал не придавал этому особого значения, решив, что ребенок просто любит копировать взрослых. Они напомнили ещё о паре рекомендаций и вышли.

Такие учтивые слова и серьёзное выражение лица на трехлетнем малыше смотрелись... немного странно. Но персонал не придавал этому особого значения, решив, что ребенок просто любит копировать взрослых. Они напомнили ещё о паре рекомендаций и вышли.

Когда врачи ушли, стрелки настенных часов показывали ровно одиннадцать.

Когда врачи ушли, стрелки настенных часов показывали ровно одиннадцать.

Цзян Чжуйю налил Лу Ао стакан тёплой воды и дал ему держать его самому.

Цзян Чжуйю налил Лу Ао стакан тёплой воды и дал ему держать его самому.

Лу Ао отодвинул соломинку в сторону и стал пить прямо из стакана.

Лу Ао отодвинул соломинку в сторону и стал пить прямо из стакана.

— Полежи пока на кровати, папа ходит на кухню, посмотреть, не сварил ли дядюшка Чжан твою кашку с мяском⁵.

— Полежи пока на кровати, папа ходит на кухню, посмотреть, не сварил ли дядюшка Чжан твою кашку с мяском⁵.

Примечание 5: 肉饭 - ròu fàn, детское слово для «каша/рисовая похлебка с мясом».

Примечание 5: 肉饭 - ròu fàn, детское слово для «каша/рисовая похлебка с мясом».

— Хорошо... — кивнул Лу Ао. Он и правда проголодался.

— Хорошо... — кивнул Лу Ао. Он и правда проголодался.

Стоп, погодите! Что за «кашка с мяском»?!

Стоп, погодите! Что за «кашка с мяском»?!

Лу Ао выпрямился. На лбу у него дрогнула жилка. Предчувствие было плохим.

Лу Ао выпрямился. На лбу у него дрогнула жилка. Предчувствие было плохим.

Он помнил, что коронными блюдами старого дворецкого Чжана были фуа-гра с трюфелями по-французски и норвежский копчёный лосось.

Он помнил, что коронными блюдами старого дворецкого Чжана были фуа-гра с трюфелями по-французски и норвежский копчёный лосось.

А что касается «кашки с мяском»...

А что касается «кашки с мяском»...

Этого блюда он никогда не видел в меню настоящего бизнес-тирана!

Этого блюда он никогда не видел в меню настоящего бизнес-тирана!

Цзян Чжиюй сбежал на кухню, взял что-то и тут же вернулся.

Цзян Чжиюй сбежал на кухню, взял что-то и тут же вернулся.

— Кашке надо немного остыть, пока сделаем предварительные приготовления. Ты в ванной руки мыл?

— Кашке надо немного остыть, пока сделаем предварительные приготовления. Ты в ванной руки мыл?

— Мыл.

— Мыл.

— Тогда мыть не надо. Подними головку, папа тебе наденет.

— Тогда мыть не надо. Подними головку, папа тебе наденет.

Наденет что?!

Наденет что?!

Лу Ао присмотрелся. В руках у Цзян Чжиюя были столовые приборы и... слюнявчик!

Лу Ао присмотрелся. В руках у Цзян Чжиюя были столовые приборы и... слюнявчик!

Слюнявчик в фирменном светло-желтом цвете ягненка Лань Янаб!

Слюнявчик в фирменном светло-желтом цвете ягненка Лань Янаб!

Примечание 6: 懒羊羊 — Lǎn Yángyáng, «Ленивый Ягненок» — один из главных героев популярнейшего китайского мультсериала «Приключения в Грейтлэнд / Pleasant Goat and Big Big Wolf / 喜羊羊与灰太狼») из культового мультфильма. Его фирменный атрибут — большой светлый (часто желтый) слюнявчик с воротничком и пятнышком грязи/еды.

Примечание 6: 懒羊羊 — Lǎn Yángyáng, «Ленивый Ягненок» — один из главных героев популярнейшего китайского мультсериала «Приключения в Грейтлэнд / Pleasant Goat and Big Big Wolf / 喜羊羊与灰太狼») из культового мультфильма. Его фирменный атрибут — большой светлый (часто желтый) слюнявчик с воротничком и пятнышком грязи/еды.

И столовые приборы тоже были детскими — пластиковая ложечка с рисунком травяного тортика7!

И столовые приборы тоже были детскими — пластиковая ложечка с рисунком травяного тортика7!

Примечание 7: 青草蛋糕 (qīngcǎo dànɡāo) — «Травяной торт» — вымышленное лакомство из того же мультсериала, любимое овцами.

Примечание 7: 青草蛋糕 (qīngcǎo dànɡāo) — «Травяной торт» — вымышленное лакомство из того же мультсериала, любимое овцами.

Жилка на лбу Лу Ао задергалась с удвоенной силой. Его лицо исказилось от отвращения и настороженности. Он инстинктивно отполз назад.

Жилка на лбу Лу Ао задергалась с удвоенной силой. Его лицо исказилось от отвращения и настороженности. Он инстинктивно отполз назад.

Какая дерзость! Отойди!

Какая дерзость! Отойди!

Это приказ! Убери эту дрянь! Выбрось подальше!

Это приказ! Убери эту дрянь! Выбрось подальше!

Даже если ты мой папа — нельзя!

Даже если ты мой папа — нельзя!

Руки прочь! Ааа!..

Руки прочь! Ааа!..

<http://bllate.org/book/13911/1225868>

<http://bllate.org/book/13911/1225868>

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17729/1661943>